

путствующихъ цивилизаціи. Что же касается до произвола правителей и вообще лицъ, власть имущихъ, то это зло много парализуется почти всегдашнею возможностью взятки или откупа, да при томъ крупныя несправедливости обрушаются на отдѣльныя личности лишь въ исключительныхъ случаяхъ. За всѣмъ тѣмъ кочевникъ гораздо болѣе свободенъ и обезпеченъ, почти безъ всякаго личнаго труда, нежели, напр., нашъ крестьянинъ или фабричный, осужденные на вѣчную тяжелую работу и все-таки нерѣдко лишенный куска хлѣба.

При такихъ условіяхъ для дикаря-номада нѣтъ даже слабыхъ мотивовъ промѣнять свою лѣнливую и просторную жизнь на бытъ цивилизованный. Тѣмъ болѣе, что истинными благами цивилизаціи пользуются вѣдь единицы изъ сотенъ, даже тысячъ людей, по крайней-мѣрѣ при современномъ состояніи цивилизованнаго общества. Конечно, для человѣка умственно-развитаго лучше, какъ говорятъ, жить въ аду мыслящимъ, нежели въ раю безмысленномъ, но для массы, руководимой обыкновенно менѣе идеальными стремленіями, подобное условіе не имѣетъ значенія. Да, наконецъ, физическія свойства бѣльшей части Монголіи и почти всего Тибета не допускаютъ возможности осѣдлой жизни, составляющей, какъ учитъ исторія, необходимое условіе для прогрессивнаго движенія народа. И мнѣ кажется, можно съ достаточнымъ вѣроятіемъ повторить положеніе, высказанное еще въ I-й главѣ настоящей книги, что номады Центральной Азіи такъ и останутся дикарями-номадами на долгія времена, пока наконецъ роковой ходъ событій не приведетъ ихъ къ окончательной гибели, подобно тому, какъ гибнутъ на нашихъ глазахъ туземцы Америки и Австраліи.

Вмѣстѣ съ окончаніемъ первой половины нашего пути изъ Алашаня до Урги окончился и сентябрь мѣсяцъ. Относительно своего климата онъ характеризовался: постоянно ясною погодою, частыми бурями въ послѣдней трети и, въ общемъ, почти лѣтнею теплотою.

Климатъ
сентября.

Въ Алашанѣ и прилегающемъ къ нему уголкѣ земли урѣговъ, въ первыхъ двухъ третяхъ описываемаго мѣсяца, дневное тепло доходило до $+27,5^{\circ}$ въ тѣни; по ночамъ также ни разу не было мороза. Съ переходомъ нашимъ за хребетъ Хурху, т. е. съ поднятіемъ болѣе къ сѣверу, стало холоднѣе, хотя все-таки днемъ термометръ въ тѣни поднимался до $+20,2^{\circ}$. Первый ночной морозъ ($-4,5^{\circ}$ по восходѣ солнца) случился 21 сентября; затѣмъ до начала октября считалось еще четыре такихъ мороза и наибольшій изъ нихъ былъ $-8,3^{\circ}$. Слабые ночные вѣтры обыкновенно мѣшали охлажденію атмосферы и поднимали ртуть термометра выше точки замерзанія. Погода въ сентябрѣ стояла почти